

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

ВОЛЬНОДУМЦЫ И ИНАКОДЕЙСТВУЮЩИЕ

О КНИГЕ Б.М. ФИРСОВА «РАЗНОМЫСЛИЕ В СССР. 1940-1960-е ГОДЫ. ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ»
(СПБ.: ИЗД-ВО ЕВРОП. УН-ТА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ, 2008)

Внимательно ознакомившись с рукописью названной книги¹, хочу сразу определить свое отношение к ней как замечательному труду одного из выдающихся деятелей и творцов нашей социологии. Будучи опубликована в том виде, как я ее читал, без каких-либо дополнительных редакторских или авторских усилий, она уже станет весьма заметным событием современной российской общественной мысли. Книга эта во многих отношениях уникальна.

Мне хотелось бы исчерпать этим заявлением свою функцию официально-го рецензента, а дальше — воспользоваться случаем поразмышлять над этим фундаментальным, 500-страничным трудом.

В чем я вижу принципиальное новаторство (теперь любят говорить — инновационность) этой работы?

Во-первых, в совершенно особом месте ее автора в истории новейшей российской социологии. Здесь идет в расчет и собственно научный, и организационный, и общекультурный личностный вклад. Интеграция этих разнообразных вкладов находит яркое выражение в настоящем *opus magnum* автора, и эта интеграция уникальна.

Во-вторых, не имеет, мне кажется, прецедентов «равноправное» соединение в одном труде теоретического и исторического (объективного) исследования структуры и динамики советского менталитета, с одной стороны, с персоналистской (субъективной) жизненной ретроспективой — с другой. Можно сказать и так: здесь представлены широкая историческая панорама и конкретный «случай Б.Ф.» в динамике — одно «на фоне» другого.

В-третьих, это отважная попытка обобщения отечественных и русскоязычных зарубежных исследований феномена «человека советского» от момента его (этого феномена) зарождения до его «зрелого» состояния. Притом, что это обобщение — именно социологическое (в принципе возможны и исторический, и культурологический, и психологический и иные ракурсы подобного обобщения). Эту книгу отличает своего рода энциклопедизм. Автор широко использует архивные, мемуарные, аналитические, литературные материалы. Так и хочется сказать: «И это все о нем (человеке советском)».

В-четвертых, — говоря уже собственно о содержании — книга предьявляет последовательное и убедительное опровержение вульгарных представлений

¹ Автор предоставил для публикации текст официальной рецензии на рукопись книги Б.М. Фирсова. — *Прим. ред.*

о ментальной однородности советского общества, будь то в просоветских («морально-политическое единство»...) или постсоветских («все — совки!»...) версиях.

Выдвинутое автором понятие «разномыслие» позволяет хорошо понять все разнообразие факторов, проявлений и последствий этой ментальной неоднородности, в сущности, спасшей наше общество от полного окостенения и воплощения в жизнь антиутопий Замятина или Оруэлла.

В-пятых, очень существенно последовательное и во многом оригинальное проведение поколенческого (когортного) подхода. «Разномыслие» — это не только разнообразие ментальностей в рамках одного поколения, но и существенные различия между поколениями («отцов» и «детей», «дедов» и «внуков») в советском обществе. В известном смысле главным героем книги является поколение «шестидесятников», к которому автор сам принадлежит.

В-шестых — это просто увлекательная книга. Притом, что читать ее «в один присест» не хочется. Это — серьезное чтение и увлекательность здесь не сюжетная, а интеллектуальная.

Даже для ровесников здесь обнаруживаются открытия, как фактологические, так и концептуальные. Что уж говорить о молодежи, не успевшей «застать» не только 1940-1960-е, но и 1970-е, в сознательном возрасте.

Композиция книги и свободна, и строга. Последовательность глав подчиняется хронологической (исторической) логике (см. приложение). Внутренняя же структура глав изобилует иногда ассоциативными переходами от истории к теории и от теории к «практикам», со свободным парением между этими тремя полюсами.

Автобиографические мотивы то проникают в ткань объективного повествования, то сосредотачиваются в специальных разделах «Автор свидетельствует». И там и тут эти мотивы органичны. Надо сказать, что автор не щадит себя, мера его самокритичности весьма высока. Что заставляет простить и отдельные (редкие) пафосные высказывания. Говоря коротко: автор интеллектуально честен. И это обеспечивает и доверие к нему читателя.

Будучи сам горячим приверженцем документа в автобиографическом повествовании, я могу пожалеть, что автор скуп на автоцитирование и использование документальных свидетельств из собственной жизни. Но уж зато там, где он их приводит, это сильнейшие аргументы в пользу как точности его исторических оценок, так и справедливости теоретических утверждений. Одно только приложение — расшифровка знаменитой передачи «Литературный вторник» Ленинградского телевидения и стенограмма ее обсуждения в Комитете по радио и телевидению 1966 г., с последующими оргвыводами, чего стоит!

Позволю себе небольшое отступление от обсуждения книги как таковой в пользу интерпретации известных карьерных «взлетов» и «падений» автора. Уже не помню, кто первый (в 1970-х гг.) сказал: «Фирсов стал бы секретарем ЦК (КПСС), кабы не был так умен» (почти фольклор!).

Тут хорошая двусмысленность: «слишком умен, чтобы к этому стремиться» или «слишком умен, чтобы ему это предложили». Думаю, справедливы оба истолкования. При всей идеологической «зашоренности» первого послевоенного поколения (тех, кто вступил в сознательную жизнь во второй половине 1940-х), при всей социальной «послушности» того слоя, к которому он стал принадлежать, Б.Ф. был, конечно, на этих постах (секретарь обкома

ВЛКСМ, секретарь райкома КПСС, директор ЛенТВ) белой вороной. И слава Богу, что пройдя все номенклатурные искусства, он в конце 1960-х сумел уйти в науку (где, впрочем, своих искусств хватало).

Весь позитивный и негативный идейный, культурный и организационный опыт оказался при этом пущен в дело. Человек сумел прожить несколько «разных» жизней, оставаясь при этом самим собой и самореализуясь по максимуму как в каждой из них, так и в целом.

Сам автор своим тогдашним (1950-1960-е) «мирочувствием» (словечко Б.Ф.), сознанием и поведением являет собой яркий пример того, разумеется, урезанного (временем, обстоятельствами...), тут — какое слово употребить? ...Не «инакомыслия» (это слово занято совсем другим социальным типом), но — ИНО-мыслия, РОЗНО-мыслия, ВОЛЬНО-думства, свободо-мыслия, нон-конформизма, антидогматизма, внутренней не-зависимости, САМО-стояния (словечко А.С. Пушкина), инако-действия (на этом понятии остановлюсь потом подробнее).

В идеологическом плане это, пожалуй, объемлется (в ту пору чуть ли не бранным...) словом «либерализм» (поэтому даже внутренне люди этого типа себя так, как правило, не обозначали). Но нам здесь важно усмотреть нравственную и — шире — мироотношенческую позицию.

Все приведенные выше определения относятся уже не к обществу (как в случае «разномыслия»...), а к личности, ну, может быть, к группе, в которой распространен или преобладает этот личностный антипод едино-мыслия.

ВОЛЬНОДУМСТВО (остановимся пока на этом термине) может проявляться в любой сфере человеческой деятельности — в культурной, бытовой (в широком смысле), профессиональной... В известном смысле это синоним «творческой личности».

В особом отношении ко всем указанным стоит понятие «крамола», схватывающее явление, распространенное не в образованных слоях, а, так сказать, в «гуще народной жизни». Также и эти проявления общественного разномыслия входят в сферу авторского внимания.

Несколько странно выглядит употребление термина «разномыслие» применительно к личности, индивиду. Оно правомерно при рассмотрении динамики личностного сознания, различного в разные периоды жизни и разные исторические времена. Что же касается «двоемыслия» (чему у автора посвящен специальный раздел), то это своего рода «социальная шизофрения» (раздвоение личности), поражающая индивидов и охватывающая тоталитарное общество в целом. Но и — своего рода «иммунная система», помогающая личности удержаться от саморазрушения.

Вообще — и не только в тоталитарных обществах! — наряду с «двоемыслием» (что предполагает все же некоторую долю лицемерия...) уместно говорить о «ситуационной морали», когда в разных ролевых ситуациях человек искренне ведет себя прямо противоположным образом.

(Например, дружинник, в советские времена, усердно ловивший выпивающих в сквере, сняв красную повязку, немедленно «законно» распивает бутылку в соседней подворотне; или вспомним знаменитый рассказ А. Яшина «Рычаги».)

Теперь — об ИНАКОДЕЙСТВИИ.

Термин этот вроде бы предложен мною (по крайней мере, нигде прежде его не встречал). Дело в том, что хоть и не монолитна система, равно как и

оправдывающее ее сознание, однако влияния «господствующих мыслей эпохи» (выражение К. Маркса) не избежал, наверное, никто. Все люди — дети своего времени. Тем не менее, в сходных обстоятельствах все поступают по-разному. Есть, конечно, более или менее общепринятые и распространенные стандарты поведения, которым следуют. Но бывают и «мутации».

Эти социальные мутации сплошь и рядом скорее поведенческие, чем осознанные. Они могут быть вызваны глубоким общественным «подсознанием» или индивидуальными особенностями личности.

И вот, думая, в общем, «как все», некоторые поступают «не как все» (иногда), они что-то «себе позволяют» (как говорится). Из этих маленьких, иногда случайных, а у некоторых — и систематических отклонений и рождается «САМО-стоятельный» человек.

Таких было не так мало во все времена, и в советские годы тоже, даже в условиях тотального государственного террора, не говоря уж об «оттепельных» обстоятельствах.

Вот об этом социальном феномене книга Бориса Фирсова. И не случайно — она также о самом авторе. Ибо он сам из этих «мутантов».

(Рецензент, конечно, увлекся и отвлекся от своих обязанностей обсудить рукопись как таковую. Однако книга Б.М. Фирсова к этому побуждает. Общее же резюме — дано уже в первых строках настоящего текста.)

Одно читательское замечание. При изобилии материалов, привлекаемых из разных русскоязычных источников, автор наряду с прямым цитированием часто использует прием переложения или пересказа. При этом все ссылки на месте, но имеем дело с текстом все-таки не первоисточника, а автора данной книги. И когда возникают некоторые содержательные или стилистические претензии к такому тексту, не знаешь, кому их предъявлять — автору или «переводчику». Поэтому здесь не буду их предъявлять никому.

Однако сожаление на этот счет и соответствующее пожелание — для будущих переизданий книги — остаются.

А.Н. Алексеев,
канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник
Социологического института РАН,

Ноябрь 2007- март 2008

Приложение: Структура книги «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы»:

Глава 1. Классическая советская эпоха.

- 1.1. Культура классической советской эпохи
- 1.2. Человек советской эпохи
- 1.3. Двоемыслие как часть классической советской культуры
- 1.4. О времени и поколениях классической советской эпохи
- 1.5. Подступы к разномыслию

Глава 2. Последние годы сталинской власти

- 2.1. Снова сражение, на этот раз с собственным народом
- 2.2. Практики и среды формирования разномыслия
  - 2.2.1. Отцы
  - 2.2.2. Дети
- 2.3. Автор свидетельствует

Глава 3. От коллективного ослепления к индивидуальному прозрению

- 3.1. Управляемая десталинизация
- 3.2. О власти социальных надежд и упований
- 3.3. Пелена спадает с глаз
- 3.4. Автор свидетельствует